

РАЗДЕЛ I.
ИСТОРИЯ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ЯКУТИИ С
ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА 1990-Х ГГ.

DOI:10.25693/ BRI18.11.19

УДК: (902.2+00) (315+571.56) «13/19»

Бравина Розалия Иннокентьевна
д.и.н., г.н.с., зав. отделом археологии
и этнографии ИГИиПМНС СО РАН,

ОТЗВУКИ ПОДНЕБЕСНОЙ:
КИТАЙ В ТРАДИЦИОННОМ ВОСПРИЯТИИ И КУЛЬТУРЕ ЯКУТОВ
(XIV- НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация. Контакты населения Якутии с Китаем имеют достаточно древнюю историю. Об этом свидетельствуют артефакты, датируемые эпохами палеометаллов, средневековья и нового времени. В мифологических представлениях якутов Китай воспринимался далеким южным краем, что отразилось в эпосе Олонхо, в их преданиях и рассказах. Наиболее наглядно эти контакты проявлялись в ритуальной культуре якутов, в частности, в ее атрибутике.

Ключевые слова: Китай, Якутия, археологические памятники, якуты, культовая атрибутика, торговые и культурные связи.

Bravina R.I.
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher
of the Department of archaeology and ethnography of Institute f
or Humanitarian Research and North Indigenous People Problems
of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Email: bravinari@bk.ru

ECHOES OF CELESTIAL EMPIRE:
CHINA IN THE TRADITIONAL VIEW AND CULTURE OF YAKUTS
(XIV – EARLY OF THE XX CENTURIES)

Interaction between the population of Yakutia and China has rather ancient history. The artifacts dated by eras of the Paleometals, the Middle Ages and modern times testify to that. In Yakut myths China was illustrated as a far and southern country that was reflected in the epos Olonkho, in legends and stories. Most clearly this interaction was shown in the ritual culture of Yakuts, in particular, in her attributes.

Keywords: China, Yakutia, archaeological monuments, Yakuts, cult attributes, commercial and cultural ties.

История контактов между Ленским краем и Китаем еще не подвергалась специальному изучению. В свое время Г.В. Ксенофонтов в своей работе «Ураангхай-сахалар» писал, что «картина товарообмена и экономических связей между

разными племенами» «столь же стара, как и древний Китай, мощное влияние которого не могли не чувствовать искони веков мелкие племена бассейна Амура, Южной Сибири <...> и население бассейна Лены» [11, с. 30]. Так, А.П. Окладников, который, рассматривая найденные в Якутии на р. Вилюй сосуды чжоуского стиля, втульчатые наконечники копий иньского времени, укуланский меч и т.д., отметил их связь с бронзовой культурой Китая [13, с. 168–172].

Несомненный интерес представляет стоянка Улахан Сегеленнях, где на границе IV и III слоев найдена монета с квадратным отверстием в центре. На аверсе, по бокам квадратного отверстия монеты, имеются два рельефных иероглифа, выполненных в старинном китайском каллиграфическом стиле чжуань. Это характерные признаки монеты у-шу [2]. Известный специалист по средневековой археологии Сибири Д.Г. Савинов образно называет монеты у-шу своеобразной «визитной карточкой» хунну [16, с. 67]. А.Н. Алексеев связывает найденные в Якутии монеты с хунно-сяньбийским периодом — временем появления на территории Якутии первых кочевников-скотоводов [2, с. 67].

В своей культуре якуты наследовали древние китайские традиции, заимствованные, вероятно, их предками задолго до освоения Ленского края. Это подтверждается исследованиями по происхождению якутских ритуальных сосудов чорон, один из типов которых – сосуд на трех ножках – является по всей вероятности результатом модификации хуннских бронзовых котлов [1, с. 55–56] и схож с китайскими треножниками бронзового века *ли*. В Монголии и Забайкалье керамические триподы чаще всего встречаются в культуре плиточных могил и культуре хунну.

Первые параллели между культурой хуннов и этнографией якутов были проведены немецким этнографом У. Йохансен в изданной в 1954 г. монографии «Орнаментальное искусство якутов». Исследуя генезис лировидного мотива якутского узора, известного в научной литературе как «бараньи рога», она пишет, что народы, жившие на периферии Китая, в т.ч. и хунну, носили шапки с «рогами», уподобляясь древним божествам земли. Похожий головной убор носили монголки, богатые киргизки и якутки [8, с. 72]. По ее мнению, данный мотив входил в китайскую модель космоса в виде 4-х, 8-ми и 12-ти конечного крестообразного орнамента, символизирующего солнце в обрамлении сторон света.

Вполне возможно, что якутские круглые украшения *кюн* являлись имитацией бронзовых зеркал. А серебряные круги *туогахта* встречаются в якутских погребениях XV–XVIII вв. с богатым предметным инвентарем [3, с. 107]. И те, и другие проявляют сходство с бронзовыми зеркалами и по своему орнаментальному декору. Так, якуты представляли мать-землю в виде восьмигранной фигуры. Согласно предложенной У. Йохансен гипотезе, узор внешнего обода якутского серебряного круга *кюн* повторяет китайский небесный орнамент и символизирует облака [8, с. 76–85]. Было высказано предположение об их генетическом сходстве, и о распространении за пределы Китая этого орнамента, как и общих мировоззренческих представлений о времени и космосе через хунну, которые исповедовали астральную религию с культом неба [Там же, с. 74–85]. Бронзовые зеркала в прошлом являлись непременной принадлежностью шаманов тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских народов Сибири и Дальнего Востока. Зеркала прикреплялись к платью шамана: одно на грудь, другое на спину. В Музее археологии и этнографии СВФУ им. М.К. Аммосова на костюме тунгусского

шамана имеется привязанное бронзовое китайское зеркало [МАЭ СВФУ КП-2, 308/1]. Зеркало деформировано (согнуто) и обрезано в нижней части, возможно, с целью облегчения или получения какого-то небольшого количества металла. Реконструируемый диаметр зеркала примерно 18 см. По периметру зеркала проходит парный ободок из выступающих валиков шириной до 0,35 см и высотой до 0,2 см, разделённых «ложбиной» шириной 0,6–0,85 см. Лицевая сторона чистая, без каких-либо посторонних отметин и царапин. На оборотной стороне зеркала частично сохранилась китайская надпись-благопожелание из четырёх иероглифов, написанная крестообразно и читаемая сверху вниз, справа налево: у *цзы дэн кэ* 五子登科 «пять сыновей выдержали государственные экзамены». Каждый иероглиф заключён в квадратную рамку размером 4×4 см. Выражение «у *цзы дэн кэ*» употребляется для пожелания счастья новобрачным или в качестве общих благознаменательных слов, которые восходят к периоду Пяти Династий (907 – 960 гг.).

Несколько зеркал хранятся в частных коллекциях. Одно из них случайно обнаружено во время земляных работ в долине Эркээни в Хангаласском районе Якутии в 2014 г. Фрагмент имеет наибольшие размеры – 6,2×4,0 см, толщину 0,3 см, и относительно удовлетворительную сохранность. Диаметр сохранившегося диска 3,7 см. По окружности прототипа зеркала располагалась лента с иероглифической надписью. На найденном зеркале она выглядит как лента из квадратных сегментов (иероглифы в результате многократного копирования и повторной отливки узора превратились в геометрический орнамент – «квадраты» – и на данном фрагменте не читаются). Таких сегментов на осколке сохранилось лишь три. Характер исполнения видимых частей иероглифов, находит аналогии среди зеркал XIV–XVI вв. эпохи Мин и имеющих распространение в Южной Сибири [9, с. 267–268].

Отзвуки Поднебесной прослеживаются, по мнению П.А. Ойунского, и в некоторых знаках древнеякутской рунической письменности. Вслед за Н.А. Аристовым он пришел к выводу о том, что руноподобные тамги древнее знаков орхонской письменности и, возможно, они связаны своим истоком с древнекитайской [15, с. 72].

Самыми распространенными артефактами китайского происхождения в археологических памятниках Якутии, начиная со средневековья и по новое время, являются монеты. Находка, случайно обнаруженная в Хангаласском районе республики в 1998 г., представляет собой клад, который состоял из 147 китайских монет эпохи правления династии Северная Сун (960 – 1127 гг.) [18]. Монеты находились в четырех керамических сосудах, описываемых автором находки (на которого А.Д. Степанов ссылается, но имени не называет), как «круглодонные, с тремя ребристыми валиками», которые, к сожалению, в дальнейшем были утрачены. Эти сосуды, содержащие каждый по 36 монет, были зарыты на глубину 15–20 см в четырех местах — по сторонам света — вокруг холма с сухим деревом Ытык-Мас — священном дереве духов местности или шамана. Три монеты располагались возле самого дерева на глубине 6–7 см. По предположению А.Д. Степанова, эта очевидная ритуальность совместно с числовой символикой, свидетельствует о доякутском происхождении жертвенного клада и, возможно, связана с монгольскими корнями, подверженными влиянию китайской религиозной культуры, тем более что из ближайших к Якутии территорий,

находки подобных монет отмечены в монгольских погребениях Восточного Забайкалья [18, с. 153]. Также известны находки китайских монет из якутских погребений XVII–XVIII вв.: монеты династии Мин (периода Ваньли 萬曆, 1573–1620 гг. правления императора Шэнь-цзуна и периода Чунчжэнь 崇禎, 1628–1644 гг. правления последнего императора династии Сы-цзуна) и монеты династии Цин (периода Шуньчжи 順治, 1644–1661 гг. правления первого императора династии Ши-цзу и периода Канси 康熙, 1662–1722 гг. правления императора Шэн-цзу), которые использовались в качестве женских украшений [6, с. 84; 12, с. 157]. По этнографическим и фольклорным данным, якуты использовали китайские монеты в шаманской практике и атрибутике, которые известны под названием «дом» [9, с. 262].

Другим распространенным артефактом является бисер. В раннеякутской кулун-атахской культуре XIV–XVI вв. китайские предметы представлены бусинами, в т.ч. нефритовой [7, с. 18] и бисером черного и белого цветов [4, с. 30–31]. Вероятно, якуты получали их в результате сложной перекрестной меновой торговли: якутов — с тунгусами, тунгусов — с чжурчжэнями, которые, в свою очередь, вели торговлю с Китаем [5, с. 42], что подтверждается результатами анализа химического состава бусин из археологических памятников Якутии эпохи средневековья (XIV–XVIII вв.), в результате чего были выявлены три вероятных экспортных центра стеклянных бусинных украшений в Якутию — Китай, Западная Европа и, возможно, Ближний Восток. Проникновение в Якутию предметов импорта из Китая усилилось в связи с открытием Нерчинской ярмарки (1689) и пограничной станции Кяхта (1728). В якутских погребениях XVIII в. встречаются бисер черного, белого и синего цветов, одежда из китайской хлопчатобумажной ткани *даба*, декор одежды и платки из шелка, лаковая посуда (иногда с иероглифами), листовый табак, курительные трубки *хамса*, монеты *чохи* и т.д. Несомненно, импортные изделия являлись престижным элементом материальной культуры, и многие признаки свидетельствуют о том, что их владельцы принадлежали к зажиточным слоям общества. Так, в арангасном захоронении, исследованном А.П. Окладниковым в местности Аякит, ниже приполярного Булуна на 15 км по левому берегу Лены, помимо предметов местного производства, найдено отполированное кольцо из белого нефрита, схожее с кольцами, имевшими распространение у народов Приамурья. На груди костяка уцелела одежда из китайского шелка с меандроподобным геометрическим узором, и две полосы сукна, шитые голубым и синим бисером [14, с. 123–124]. В погребении Улуу Сысы в Нюрбинском районе на р. Виллой на покойнике были надеты шелковая рубаха желтого цвета, суконные штаны и украшенная бисером обувь из толстой фабричной ткани. В состав сопроводительного инвентаря входили китайский шелковый халат, маленькая деревянная неякутской работы чашка на поддоне с остатками лака, четырехгранная бутылка и медный чайник фабричной работы с клеймом года выпуска — «1732». Здесь же обнаружены связка из 50 беличьих шкур и одна шкурка красной лисицы, полный комплект парадной конской сбруи. В 24,5 метрах к западу от этого погребения находилось захоронение четырех коней [10, с. 184–185]. Погребение, несомненно, принадлежало богатому человеку, возможно занимавшемуся торговлей пушниной.

Известно, что колокольчики и бубенцы являются одними из основных атрибутов сибирских шаманов. В связи с этим несомненный интерес вызывают

бронзовый бубенчик с китайскими иероглифами, найденный возле карьера в 200–300 м к западу от с. Кюндядя, расположенного на правом берегу р. Вилуи и бубенчик с костюма бурятского шамана из Нерчинского уезда Забайкалья, датируемые концом XIX века [19, с. 34–35], которые как по форме, так и по рисунку полностью идентичны. Бубенчики подобного типа (формы исполнения и рисунка) встречаются как на территории Китая, так и за его пределами, в том числе на Дальнем Востоке и в Сибири.

Представления якутов о Китае имели древние истоки, о чем свидетельствуют тексты эпоса Олонхо. В 1940 г. С.И. Боло составил карту эпической географии по материалам олонхо «Дугуйа Бёгё», записанного им в Оймяконском районе. По предположению Ф.Ф. Васильева, топонимы и этнонимы олонхо отражают историческую обстановку эпохи позднего средневековья в Монголии и Забайкалье. Так, самым благодатным местом Среднего мира является долина озера Улуу Байгал (Великий Байкал), в которой, естественно, могли проживать предки саха. На востоке Верхнего мира расположена страна Хоро сирэ, где живет много колдунов и воинствующих шаманов. Сразу за ней находится страна Кытат-Кытай, страна теплая, вечнозеленая, где зимуют перелетные птицы. По некоторым данным якутского эпоса, за этой страной располагалась мрачная преисподняя *Нюкэн Юёдэн* [20, с. 191]. Во второй половине 40-х годов XVII в. на территории Китая одновременно существовали два государства: на севере – маньчжурская Цинская империя, именовавшаяся в русских документах Богдойским царством, и остатки национального китайского государства на юге, которое в документах называют Старым Китаем или Никанским царством (от маньчжурского *никань* – китаец, китайский). В.Л. Серошевский писал, что якуты «о китайцах знают, что они живут далеко на юге; их государство часто описывается в сказках, а верховный владыка их зовётся Богдо-хан» [17, с. 242]. Исследователи допускают наличие торговых связей якутов с «богдойскими людьми» еще до прихода русских в Ленский край [7, с. 23–24].

Таким образом, отдаленность Ленского края от древних караванных дорог, торговых и культурных центров Центральной Азии и Южной Сибири, его изолированность в силу природно-климатических условий существенно ограничили возможности китайской цивилизации оказывать влияние на местные традиции. В культуре якутов китайские изделия использовались для реализации определенных культовых действий в силу их диковинности и немногочисленности. Следы заимствования отдельных черт китайской культуры прослеживаются в период хуннского преобладания в Центральной Азии (со II в. до н.э. по III в. н.э.) и домонгольское время, вероятно, через посредство тунгусо-маньчжурских и монгольских племен Приамурья и Забайкалья. При этом импортные предметы зачастую теряли свое изначальное функциональное назначение и наполнялись новым содержанием, подчиняясь мифоритуальным представлениям и верованиям, неоднократно копировались, появлялись их имитации, воспроизведенные в новых материалах с использованием аборигенных технологий. Объем и удельный вес китайских товаров в хозяйстве и материальной культуре коренных народов существенно увеличились с присоединением Якутии к Российскому государству и развитием русско-китайской торговли, что подтверждается материалами якутских погребений XVIII в.

Источники и литература:

1. Алексеев А.Н. О происхождении якутских чоронов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – №1 (10). – С. 55–61.
2. Алексеев А.Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2013. Т.10. – № 5. – С. 62–69.
3. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции XV–XIX вв. / Р.И. Бравина, В.В. Попов. – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.
4. Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность маркирующих признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 3. – С. 27–31.
5. Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века. – Новосибирск: Наука, 1998. – 144 с.
6. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV – XVIII вв.) – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 192 с.
7. Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII–XX вв. – СПб.: Наука, 1994. – 160 с.
8. Йохансен У. Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. – Якутск: Дани Алмас, 2008. – 160 с.
9. Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Зайцев В.П., Тэцу Масумото. Китайские изделия в культовой атрибутике якутов / Р.И. Бравина [др.] // Россия и АТР: Научный журнал: Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). – 2016. – № 4 (94). – С. 259–278.
10. Константинов И.В. Захоронения с конём в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) // По следам древних культур Якутии / Труды Приленской археологической экспедиции. – Якутск: Кн. изд-во, 1970. – С. 184–197.
11. Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов: В 2 кн. – Т.2. – Якутск: Бичик, 1992. – 317 с.
12. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. – 226 с.
13. Окладников А.П. История Якутской АССР. – Т.1. Якутия до присоединения к Русскому государству. – 2-е изд. – М.; Л.: Наука, 1955. – 430 с.
14. Окладников А. П. Ленские древности. – Вып. 2. – Якутск: Гос. типография, 1946. – 186 с.
15. Ойунский П.А. Сочинения: В 3 т. – Т.3. – Якутск: Бичик, 1993. – 473 с.
16. Савинов Д.Г. Археологические материалы о южном компоненте в культурогенезе якутов // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2013. – №2 (7). – С.59–72.
17. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М.: Ассоциация «Российская политическая энциклопедия», 1993. – 736 с.
18. Степанов А.Д. Ритуальный клад сунских монет в Якутии // Известия лаборатории древних технологий: сб. науч. тр. – Вып. 9. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – С. 147–154.
19. Шаманский костюм: [Альбом-каталог] / Автор-составитель О.А. Чернявская. – Иркутск: ООО Артиздат, 2004. – 80 с.
20. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.